

Достижения в психологии

В. В. Знаков

Психология
ВОЗМОЖНОГО

Новое направление
исследований понимания

ИНСТИТУТ ПСИХОЛОГИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Виктор Владимирович Знаков
Психология возможного.
Новое направление
исследований понимания
Серия «Достижения в психологии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67642151

*В. В. Знаков. Психология возможного. Новое направление исследований понимания: Изд-во «Институт психологии РАН»; Москва; 2022
ISBN 978-5-9270-0447-8*

Аннотация

В монографии представлена область науки, изучающая весь спектр явлений психологии возможного. На одном полюсе фокуса внимания психологов находится адаптивное возможное, основанное на прошлом опыте. На противоположном – невозможное как преадаптивный феномен, понимание событий, ситуаций, причинно не связанных с онтогенезом субъекта. Связующими звеньями между указанными полюсами в психологии возможного являются положение об искомом в мышлении человека, прогнозировании изначально неизвестного при решении задачи, а также личностный феномен возникающего. Анализируется психологическое своеобразие

понимания в трех реальностях мира человека. В эмпирической реальности понимание основано на выявлении причинно-следственных связей. В социокультурной реальности понимание строится на выявлении правдоподобия. В экзистенциальной реальности понимаются невозможное и немислимое, в которых прошлые знания могут не играть никакой роли. Понимание соотносится с необходимым, правдоподобным, невозможным и немислимым.

Анализируются случаи, в которых возможное реализуется в невозможном, немислимом и вне-возможном.

Третье издание, исправленное и дополненное.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Введение. Понимание – остров действительного в океане возможного и невозможного	7
Глава 1. Возможное – предмет современной науки	17
1.1. Философия возможного	21
1.2. Социогуманитарные и естественно-научные перспективы исследований	29
1.3. Истоки психологии возможного в психологической науке	45
1.3.1. Аффордансы в экологической психологии	45
1.3.2. Предвосхищение и прогнозирование	51
1.3.3. Возможное в альтернативной идентичности в социальных сетях	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Виктор Знаков

Психология возможного.

Новое направление

исследований понимания

© ФГБУН «Институт психологии РАН», 2022

* * *

Введение. Понимание – остров действительного в океане возможного и невозможного

*Мир потому и наполнен смыслом и открыт
радости мышления, что действительность со всех
сторон объемлется океаном возможностей.*

М. Н. Эшштейн

Наука представляет собой совокупность альтернативных моделей, систем научного знания, помогающих нам понимать мир человека. Такими моделями являются концепции К. Птолемея и Н. Коперника, квантовая и волновая теории, теоретические конструкции Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна, объяснительная рефлексивная и экзистенциально-герменевтическая понимающая традиции в социогуманитарном познании. Обсуждая альтернативный, возможный характер научного познания, А. П. Огурцов пишет: «Итак, мы зафиксировали наличие двух традиций в трактовке того, что в целом можно обозначить как рефлексивные процессы, – традицию собственно рефлексивного анализа сознания, ведущую к прояснению идеальных значений и связанную с конструированием идеальных объектов, и традицию понимания, ведущую к уяснению тех смыслов, которые проявляются в межличностном общении, в самом процессе

коммуникации» (Огурцов, 1987, с. 17).

С точки зрения психологии возможного (а еще раньше – психологии понимания), при анализе социально-психологических проблем принципиально важным является апелляция не к наличному, не к ситуациям, какие они есть, а к должному, возможному, которое способствует прогнозированию, порождению новых проблемных ситуаций: «В социальном прогнозировании „схватывается“ в значительной степени не „настоящее“ состояние явления, а тенденции развития социальной ситуации, т. е. проблемы как бы в перспективе, альтернативные пути развития этих проблем, а также возникновение неких новых проблемных ситуаций. В этом случае „понимание“ носит эвристический характер предвосхищения и предвидения альтернативности развития будущих проблем» (Супрун, 1987, с. 164).

Неудивительно, что в наше время возникают новые методы социального прогнозирования, одним из которых является форсайт. Форсайт представляет собой особую технологию предвидения будущего развития системы, обязательно сопровождающегося действиями по обеспечению развития общества, активного влияния на будущее. Неудивительно, что существует точка зрения, согласно которой «форсайт по своей сути является модифицированной и сильно преобразованной технологией планирования с учетом новых веяний в науке и обществе. Иными словами, форсайт – это планирование на новом этапе развития общества» (Балацкий,

2008, с. 67).

В традиционных психологических исследованиях мышления как прогнозирования, проводившихся в школе С. Л. Рубинштейна, показано, что прогнозы важны для решения задачи, но они не оказывают никакого воздействия на внешние обстоятельства, в рамках которых она формулируется, и описанный в условиях задачи реальный ход событий. Иначе говоря, человек решает данную ему задачу, но цели и прогнозы реализуются только внутри нее и никак не воздействуют на внешний мир. В отличие от этого форсайт включает не только планирование, но и действия по реализации планов. При форсайтном планировании люди, например, в организации, становятся и заинтересованными, и ответственными за предполагаемые результаты деятельности. Для психолога полезность использования результатов таких исследований для развития представлений о деятельностных основаниях формирования субъектности очевидны. Следовательно, современные исследования деятельностных оснований психики должны включать направленность не только на анализ внутреннего мира человека, но и на изучение обстоятельств, способствующих порождению его субъектных качеств. Активная субъектная позиция человека предполагает обращение к будущему, деятельностное преобразование прогнозируемых возможных событий.

В XXI в. компьютерная техника и основанные на ней гипермедиа играют решающую роль в построении современ-

ными людьми футуристической модели понимания мира. В ней «медиадискурс является вместилищем репрезентаций не только существующей окружающей действительности, но также возможных потенциальных миров. Таким образом, вывод о том, что медиакартина мира формируется сквозь призму футуристического мировосприятия и служит формированию футуристической картины мира, уже не кажется столь притянутым» (Темнова, 2019, с. 112). В этих социально-технологических условиях актуальными и необходимыми становятся размышления о перспективных возможных направлениях развития психологических исследований в целом и психологии понимания в частности.

Современная психология понимания является одной из динамично развивающихся областей психологической науки, в которой много уже сделано. Описаны теоретические основы психологии понимания многомерного мира. Обосновано, что мир человека состоит из трех реальностей – эмпирической, социокультурной и экзистенциальной. Иначе говоря, три реальности в совокупности образуют существующую действительность мира человека. Теоретические основания психологии понимания представлены как сочетание единого и разнообразного: проанализированы сходные признаки понимания фактов, событий, ситуаций в каждой реальности и их различие, психологическое своеобразие. Трех реальностям сопоставлены традиции психологических исследований, способы, основания и типы понимания. Проанализиро-

ваны традиции исследования психики – когнитивная, герменевтическая и экзистенциальная. Описаны контексты, в которых реализуются современные психологические исследования, проводимые последователями этих научных традиций. Выявлены три типа понимания проблем, методов и результатов, соответствующие названным подходам к научному анализу психики, – понимание-знание, понимание-интерпретация, понимание-постижение. Обосновано, что им соответствуют оценки истинности, правильности и правдивости высказываний, понимаемых людьми в коммуникативных ситуациях (Знаков, 2016).

Во всех реальностях человеческого бытия понимание представляет собой интерпретацию альтернатив, которые понимающий субъект обнаруживает в объекте понимания, в действительности. Любое понимание многовариантно, оно потенциально содержит в себе несколько возможных интерпретаций одних и тех же событий и ситуаций. Интерпретации – это конкретные способы понимания, чем их больше, тем выше степень полноты понимания. «Во-первых, интерпретация отличается от простого описания того или иного объекта тем, что всегда предполагает целеполагание. Она не только описывает относительные особенности объекта, но всегда направлена на выявление отношений между объектом и иными объектами или срезами реальности. Именно поэтому интерпретативная деятельность способна „шагнуть“ за пределы очевидного, помочь увидеть те обстоятель-

ства, которые невозможно уловить в иных формах деятельности. Во-вторых, интерпретация предусматривает создание целостного истолкования объекта, в рамках которого он рассматривается не как частное проявление генерализирующей закономерности или закона (как это, скажем, происходит в объяснении), но предстает как обладающий специфическими и уникальными особенностями. Кроме того, мы сталкиваемся с интерпретацией в том случае, если объект допускает несколько объяснений (в самом широком смысле термина), без доступной нам возможности окончательной проверки или фальсификации одного из объяснений. Поэтому в интерпретации неизбежно присутствует элемент соглашения. Недостаток объективных процедур выбора предоставляет возможность intersубъективного соглашения сообщества исследователей в пользу одной из возможных интерпретаций. Однако, несмотря на субъективный элемент в формировании интерпретации, аргументы и рассуждения играют в ней значительную роль, потому интерпретации отнюдь не являются субъективными фантазиями» (Ищенко, 2019, с. 65).

Можно выделить, по меньшей мере, четыре неодинаковых по степени обобщенности способа научного анализа, применяя которые психологи должны рассматривать соотношение действительного и возможного при исследовании понимания.

Первый, самый общий, философский аспект анализа про-

блемы соотношения действительного и возможного.

Второй – общенаучный контекст, согласно которому действительное всегда включает в себя потенциально возможное. Этот способ анализа с начала XX в. применяется в естественно-научной и гуманитарной методологии для обоснования перехода от классической к неклассической и постнеклассической науке.

Третий фокус научного исследования это анализ соотношения действительного и возможного в развитии общественных формаций и социальных наук, их значимости, «удельного веса» в «обществе потребления» (Ильин, 2008) «обществе знания» (Друкер, 2015) и «обществе переживания» (Schulze, 2005).

Наконец, *четвертый* способ размышлений – поиск имеющихся в психологической литературе предпосылок создания психологии возможного. Такой угол рассмотрения действительного и возможного позволяет обосновать допустимость выделения новой области психологической науки с помощью конкретно-психологических данных о возможных Я, об альтернативной идентичности в Интернете и других.

Главный вопрос психологии возможного заключается в следующем: как, с помощью каких психологических механизмов человек научается распознавать альтернативные стратегии познания и поведения? Для ответа на него необходимо развести *два* варианта содержания «возможного» – его интерпретации как альтернатив, выбора вариантов (правда

или ложь, альтруизм или эгоизм, оправдание или осуждение) и как раскрытия новых потенциальных возможностей уже, казалось бы, проанализированного предмета исследования. Интерпретации как способы понимания направлены не только на понимаемое действительное, но и на потенциально возможное. Однако в ситуациях человеческого бытия, проявляющихся в разных реальностях, содержание возможного неодинаково. В эмпирической реальности понимание представляет собой ответ на вопрос: «Истинно высказывание или ложно?». Помимо оценки истинности понимание высказывания включает в себя большой спектр ложного, но потенциально возможного: столицей Испании ошибочно можно назвать Рим, Париж и множество других городов. Таким образом, условно говоря, в эмпирической реальности понятие «действительного» по содержанию и объему оказывается существенно меньше «возможного», которое редко полностью осознается понимающим субъектом. В социокультурной реальности, в которой большую роль играют не достоверные знания, а мнения, интерпретации – это осознаваемые субъектом альтернативные варианты понимаемого (среднесуточная температура в средней полосе России выше летом или зимой?). Понимание тем полнее, чем больше предвосхищаемых понимающим субъектом вариантов возможных контекстов, в которые можно включить понимаемое. В экзистенциальной реальности типичным является понимание-постижение таких событий и ситуаций, которые специфичны для

способов бытия человека в мире, основанных на осознаваемом или неосознаваемом выборе субъективно значимых для него возможностей существования (аборт, эвтаназия и т. п.).

Современные ситуации, например, повсеместное распространение постправды, побуждают ученых пересматривать соотношение действительного и возможного во всех реальностях. При этом даже первый приблизительный анализ обнаруживает их разный «удельный вес» в мире человека: в самом деле, метафорически можно сказать, что возможное является океаном, в котором действительное оказывается лишь маленьким островком. Вследствие этого главная цель книги заключается в том, чтобы раскрыть содержание ключевых понятий, характеризующих понимание эмпирической, социокультурной и экзистенциальной реальностей, – необходимое, правдоподобное, невозможное.

В первой главе аффордансы, прогнозирование, антиципация и т. п. описаны как то, что основано на прошлом знании и способствует поддержанию психической системы в устойчивом состоянии.

Во второй главе обосновывается, что многомерный мир человека субъект не может понимать, основываясь на одних и тех же психологических закономерностях. В мире существуют необходимые события и ситуации, основанные на прошлом опыте, подчиняющиеся причинно-следственной детерминации, но есть и принципиально иные – непредсказуемые, случайные. Анализируется психологическое своеоб-

разие понимания тех и других. В эмпирической реальности понимание во многом основано на выявлении причинно-следственных связей. В социокультурной реальности понимание строится на выявлении правдоподобия («это может быть, а может и не быть»). В экзистенциальной реальности понимаются невозможное и немислимое, в которых прошлые знания могут не играть никакой роли.

В третьей главе понимание соотносится с необходимым, правдоподобным, невозможным и немислимым. Основное внимание уделено противоположному полюсу анализируемой области психологической науки – пониманию возможного как преадаптивного феномена, характеризующего нестабильные ситуации, возникновение которых нельзя предсказать. Анализируются случаи, в которых возможное реализуется в невозможном, немислимом и вне-возможном.

Глава 1. Возможное – предмет современной науки

То, что только возможно – еще не действительно. Действительное уже не есть возможное.

А. Н. Книгин

В самом общем смысле возможным называется потенциальное бытие, будущее, содержащееся в настоящем. Другими словами, содержание этой категории включает представление о предстоящем осуществлении чего-то в будущем: того, что может стать действительным. Вместе с тем возможное есть и нечто невозможное, потому что любая возможность может осуществиться, а может и не осуществиться (Мулюкова, 2014). Возможное соотносится не только с потенциальным бытием, но и со способами его достижения, перехода к нему: «Возможное – это осуществимость мыслимого теми средствами, которыми располагает субъект» (Нестеров, 2017, с. 64).

В науке различается также «фактически возможное» и значительно большее по объему и содержанию понятие «логически возможное». Их соотношение видно на следующих примерах:

«1) Возможно ли через секунду переместиться в галакти-

ку Андромеды, а через две секунды вернуться к себе на кухню?

2) Возможно ли иметь рост в один километр?

3) Возможно ли встретить гору из урана?

Все из названных событий являются *логически* возможными. В то же время, будучи логически возможными, (1) и (3) невозможны *физически* (согласно законам физики), а (2) невозможно *биологически*» (Анкин, 2016а, с. 81).

Прежде чем анализировать проявления возможного в философии и разных областях науки, необходимо хотя бы приблизительно классифицировать категориальные признаки феномена: «В этом контексте важна классификация У. Гавера, широко цитируемая в последние четверть века (Gaver, 1991). Он предлагает различать:

а) объективно имеющуюся возможность;

б) воспринимаемую (предоставляемую) информацию об этой возможности.

Гавер вводит четыре типа ситуаций.

1. Есть и сама возможность, и предоставленная истинная информация о ней: например, в двери есть замочная скважина, и она видна, подчеркнута дизайном.

2. Нет ни самой возможности, ни информации о ней: нет замочной скважины (дверь отпирается по-другому или вообще не запирается) и нет имитации скважины (скажем, в виде муляжа).

3. Скрытая возможность (возможность есть, но информа-

ции о ней нет): замочная скважина есть, но она скрыта, замаскирована, ею может воспользоваться либо тот, кто изначально знает о ней, либо тот, кто сумеет обнаружить ее путем обследования.

4. Ложная возможность (самой объективной возможности нет, а есть ложная информация о ее наличии): замочной скважины нет (дверь отпирается по-другому), но есть ее имитация, с которой не знающий секрета может долго возиться, пытаясь отпереть несуществующий здесь замок (настоящий – в другом месте). С разоблачением этой ложной возможности опять-таки быстрее справится тот, кто возьмется ее исследовать, а не поверит в видимость» (Поддьяков, 2018, с. 60).

В современном вероятностном неопределенном мире очень важно отличать объективное «вероятное» от субъективного «возможного»: «Вероятное, как и возможное, может быть, а может не быть, но осуществление той или иной вероятности не зависит от субъекта, его желаний и действий, его самоопределения по отношению к этой вероятности. Вероятность реализуется через стечение обстоятельств, в которое мы можем внести очень слабый вклад. В отличие от вероятности и потенциальности, возможность есть потенциально допустимая перспектива развития действительности, которая может стать действительностью не иначе как через выбор субъекта и приложение усилия. Таким образом, возможность существует только для самоопределяющегося

активного субъекта; для пассивно реагирующего существа возможностей не существует, есть только потенции и вероятности. Возможность (или ее отсутствие) не в ситуациях, она в головах» (Леонтьев, 2020, с. 391). Наличие или отсутствие возможностей, а также информации о них – это то, с чем сталкивается познающий субъект, пытаясь понять не только очевидные знания о мире, но и неявные, которые нужно предвосхищать и прогнозировать. Другими словами сказанное можно переформулировать как философско-научную проблему взаимосвязи действительного и возможного, описываемого с помощью неявного знания о реальностях мира человека.

1.1. Философия возможного

Соотношение действительного и возможного для философии является одной из фундаментальных, базовых проблем. Ее изучение «было начато еще Аристотелем. По его мнению, возможное предшествует действительному, при этом происходит непрерывный процесс перехода первого во второе (процесс актуализации) за счет активности и энергии, которыми обладает ум (мысль), реализующаяся в деятельности» (Хазова, 2019, с. 71). Аристотель рассматривал три варианта соотношения указанных понятий: действительность с возможностью, действительность без возможности и возможность без действительности (Аристотель, 2006). Фактически развивая эти положения, И. Кант в «Критике чистого разума» различал логические и реальные возможности вещей. Логические характеризуют принципиальную возможность их существования, а реальные – наличие необходимых условий для осуществления возможности. Этой проблемой занимался и Г. Г. Гегель: «В рассуждениях Г. Гегеля о возможном и действительном существенной является идея о том, что возможность, являясь абстрактным моментом действительности, характеризуется многообразием и неопределенностью, в основе развития абстрактного до уровня конкретного лежит энергия субстанции» (Хазова, 2019, с. 71).

Христианская антропология (прежде всего в трудах Г. Па-

ламы) представляла человека как открытую возможность: развитие личности рассматривалась в ней на уровне возможного потенциального бытия: «Познание в сфере возможного трактуется в учении Паламы как межличностное бытие-общение, где познающий соотносится с предметом познания как со своим Другим, узнавая, выявляя в инаковом свою собственную возможность, способность быть иным. Реальность личностного Я имманентно содержит в себе неограниченный ряд альтернативных реальностей» (Семенюк, 2014, с. 79).

В XVII в. Г. В. Лейбниц предложил идею «возможных миров» и ввел в философию модальности «необходимого», «возможного» и «случайного». В XX в. понятие возможных миров было введено в семантику и логику в связи с понятиями необходимости и возможности. В логике считается, что утверждение *A необходимо* и истинно, если оно истинно для любой мыслимой ситуации, т. е. для всех возможных миров. Утверждение *возможно*, если оно истинно, по крайней мере, для одного из возможных миров. Сегодня разработка и развитие теории возможных миров является одной из фундаментальных проблем философии (Смирнова, 2017). Как отмечает М. Н. Эпштейн, «важнейшая проблема теории возможного – это „возможные миры“ и их соотношение с действительным миром. „Возможный мир“ – совокупность возможностей (или возможных существований), которые могут непротиворечиво образовать одно целое, т. е. не исключают

возможности друг друга» (Эпштейн, 2001, с. 30).

Взаимодействие возможности и действительности необходимо изучать в контексте процессуального изменения бытия: «Если понятие „возможность“ выражает объективно существующую тенденцию изменения предмета, возникающую на основе определенной закономерности его развития, то „действительность“ – объективно сущее, наличное состояние предмета, конституированное в качестве фрагмента бытия. В широком смысле слова, действительность, таким образом, есть совокупность всех реализовавшихся возможностей и предметно совпадает с феноменом наличного бытия. Выступая в качестве парных категорий, возможность и действительность могут быть охарактеризованы с точки зрения взаимоперехода: возможность возникает в рамках действительности как одна из тенденций и потенциальных перспектив ее эволюции, презентирова будущее в настоящем, воплощая тем самым эволюционный потенциал действительности (как, по примеру Аристотеля, статуя Гермеса в мраморной глыбе), а превращение возможности в действительность (актуализация) порождает новые возможности» (Можейко, 2020). Для психологии возможного принципиальным является вопрос о связи действительности с невозможностями как неосуществленными альтернативами: «Однако претворение в жизнь одной из возможностей, ее превращение в действительность, означает в то же время и неосуществленность всех других, альтернативных возможностей

(их сохранение в качестве возможности или превращение в невозможность). Таким образом, в контексте взаимодействия возможность и действительность конституируется категория невозможности как того, что не может быть артикулировано в качестве действительности ни при каких условиях и не может быть помыслено без нарушения логического закона непротиворечивости суждения. Наряду с этим, противостоя невозможности, возможность противопоставляется необходимости, то есть тому, что не может не стать действительностью, в отличие от которой возможность соизмеряет свой статус потенциальности с вариативной перспективой» (там же).

Следовательно, в философии «действительность» есть такое понятие, которое мыслимо лишь в соотносительной связи с «возможностью». Применительно к бытию С. Л. Рубинштейн говорил о том, что в любой момент времени оно уже потенциально содержит то, чем станет в будущем. Иначе говоря, любая реальность человеческого бытия является возможностью и того, чем она станет, но пока еще не стала. Сегодня в социогуманитарных науках это положение стало аксиомой: человек открывает для себя действительность в виде многообразия возможностей. Научные основания аксиомы заложены очень давно. В частности, почти столетие назад С. Л. Франк утверждал, что «„действительность“ есть понятие, мыслимое лишь в соотносительной связи с „возможностью“: то, что актуально есть, отличается, как таковое, от то-

го, что может быть, и предполагает за своими пределами последнее» (Франк, 2007, с. 116). С одной стороны, «„возможность“ была бы понятием, лишенным смысла, если бы она не означала именно возможность (хотя и не необходимость) осуществиться, вступить в сферу действительности. Отсюда ясно, что понятие возможности все же содержит в себе отношение к действительности и немислимо вне его; и даже неосуществившаяся возможность конституируется этим отношением к действительности как бы как тенденция к последней, задержанная на полпути» (там же, с. 156). С другой стороны, логически, мысленно „возможность“ автономна, т. е. независима от всякой эмпирической действительности и от конкретной осуществимости: «Истина „ $2 \times 2 = 4$ “ сохраняла бы смысл, даже если бы в мире не было четырех конкретных предметов; ибо она означает лишь то, что четыре предмета (взятые как дважды два предмета) именно „возможны“, т. е. мыслимы» (там же).

В науке возможности проявляются в формировании научного знания: «В период научной революции имеются несколько возможных путей роста знания, которые, однако, не все реализуются в действительной истории науки. Можно выделить два аспекта нелинейности роста знаний. Первый из них связан с конкуренцией исследовательских программ в рамках отдельно взятой отрасли науки. Победа одной и вырождение другой программы направляют развитие этой отрасли науки по определенному руслу, но вместе с

тем закрывают иные пути ее возможного развития» (Степин, 2000, с. 611). «Возможное» является основополагающей характеристикой неклассической научной рациональности: «Факторы социальной детерминации познания воздействуют на соперничество исследовательских программ, активизируя одни пути их развертывания и притормаживая другие. В результате „селективной работы“ этих факторов в рамках каждой научной дисциплины реализуются лишь некоторые из потенциально возможных путей научного развития, а остальные остаются нереализованными тенденциями» (там же, с. 615–616).

Для научного понимания мира принципиальна «воспроизводимость» возможностей, способствующая развитию, творческому изменению действительности: «Мир больше не является каузальной машиной – его можно рассматривать как мир склонностей, как разворачивающийся процесс реализации возможностей и развертывания новых возможностей... Все новые возможности имеют тенденцию воплощаться, чтобы создавать опять новые возможности... Все это означает, что возможности, которые еще не реализовали себя, имеют свою реальность» (Popper, 1990, p. 18).

Философские основания понимания мира как раскрытия его возможностей заложены в двух главных научных подходах к изучению этого феномена – познавательном и историко-культурном. В рамках более узкого познавательного подхода понимание рассматривается как одна из процедур мыш-

ления, ума человека. В контексте широкого историко-культурного подхода понимание исследуется как универсальная психическая способность и даже как способ бытия человека в мире. По мнению Х.-Г. Гадамера, В. Франкла и других ученых, понимание является содержательно более объемной категорией, чем познание и уж тем более – индивидуальное мышление. Понимание нужно человеку для того, чтобы понять самого себя, определить, что он есть, какое место занимает в мире. Смысл бытия человека – в понимании. Причем не в познании, не в взаимодействии субъекта с предметным миром: понимание представляет собой особый, сугубо человеческий способ существования. В этом способе субъект реализует себя как духовное и личностное начало, как творец и одновременно продукт своей эпохи. Конкретизация способа существования осуществляется в герменевтических процедурах интерпретации: к В. Дильтею восходит традиция «герменевтического круга» как движения от целого к части и от части к целому. Несколько иная позиция у М. Хайдеггера, говорившего, что первичное понимание или интуитивное схватывание целого и есть основной способ бытия человека. «Он полагает, что одной из фундаментальных характеристик человеческого бытия выступает понимание. Оно связано с „множественностью“ – разворачиванием потенциала возможностей, заключенных в человеческом бытии. Самопроявление понимания проступает в истолковании. Так, понимание обретает онтологический характер, т. е. понимание в

структурах „пред-понимания“ является основным способом человеческого бытия, которое характерно только для человека» (Полякова, 2018, с. 152).

Таким образом, множественность вариантов понимания событий в мире имеет давние и достаточно серьезные основания в философии. В XXI в. наиболее значимый вклад в создание философии возможного внес М. Н. Эпштейн, концепцию которого я проанализирую в заключительном разделе монографии.

1.2. Социогуманитарные и естественно-научные перспективы исследований

Одной из первых областей познания человека, представители которой начали задумываться над онтологической проблемой порядка и неупорядоченности мира, в начале XX в. стало искусство. Символисты, сюрреалисты и т. п. не стремились упорядочить онтологическую структуру мира, они видели главную задачу в нахождении новых форм его описания, поиске моделей, в которых находили оправдание множество возможностей, вариантов интерпретации нарративных структур. Модели позволяли упорядочивать то, что онтологически включало случайное, двусмысленное, поливариантное, т. е. возможное, но не необходимое. Такой творческий путь был основан на убеждении, что «современному искусству приходится считаться с Неупорядоченностью, которая не является слепым и неисправимым беспорядком, отметанием всякой упорядочивающей возможности, но представляет собой плодотворный беспорядок, позитивность которого показала нам современная культура, разрушение традиционного Порядка, который западный человек считал неизменным и окончательным и отождествлял с объективным строением мира» (Эко, 2006, с. 33).

Размышляя об эстетике возможного, Г. В. Иванченко подчеркивала, что для творца потенциальное иногда не менее реально, чем действительное. В процессе творческого самопознания очищение от случайности возможных вариантов создаваемого произведения, в конце концов, приводит субъекта к осознанию потенциального характера собственного Я. При этом разные возможности мыслимого совмещаются в сознании творца, раздвигая его границы. В творчестве потенциальное, возможное нередко скрывается где-то на грани между истиной и художественной правдой. Особенно актуальна проблема художественной правды применительно к пониманию принципиальной недостоверности практически любого автобиографического повествования. Из исследований автобиографической памяти известно, что воспоминания человека о прошлом всегда являются осознанной или неосознанной мысленной трансформацией событий, а не фотографией, калькой происшедшего (Нуркова, 2008). Неудивительно, что при анализе автобиографий и исповедей фактам можно и нужно противопоставлять контрфакты, а автобиографический вымысел – биографическому. И это спор, который однозначная истина неизбежно проиграет множественной правде, потому что «вечнозеленые дубравы видимостей, кажимостей, соблазнов и искусов закрыты для Истины, и ей, похоже, никогда не вернуть Искусство во всех более и менее совершенных его проявлениях под свой кров» (Иванченко, 2002, с. 159).

В современном социогуманитарном познании актуальность исследования возможного ясно осознавал У. Эко: «Раньше говорилось о неоднозначности как о нравственной установке и о противоборстве проблем, однако сегодня психология и феноменология говорят также о *неоднозначности восприятия* как о возможности, не порывая с общепринятыми правилами познания, уловить мир в той его первоначальной возможности, которая предшествует всякой стабилизации, обусловленной привычным, устоявшимся взглядом на него» (там же, с. 93). У. Эко полагал, что при анализе понимания литературы использование теории возможных миров очень помогает ученым объяснить, чем и насколько возможный мир отличается от действительного (Эко, 2006). Категория «возможное» лежит в основании разработанной им концепции «открытого произведения», согласно которой литературное произведение обладает неисчерпаемыми возможностями, бесконечным множеством значений. При этом «любое произведение искусства, даже если и не оказывается материально незавершенным, требует свободного и творческого ответа на него, по крайней мере, потому, что его нельзя по-настоящему понять, если истолкователь не открывает его заново в акте творческого единomyслия с самим автором» (там же, с. 72). Единomyслие читателя с автором задает фрейм, указывающий, какие из бесчисленного числа комбинаций следует использовать для понимания произведения.

Категория «возможное» играет существенную роль в со-

циологических исследованиях, однако зачастую она сводится к наличной ситуации, возможным вариантам ее развития: «Прибавьте к этому тот факт, что вопросы, которые мы задаем людям, – лишь выборка всех возможных вопросов, которые мы могли бы задать. Так же как их ответы, в свою очередь, могут быть всего лишь выборкой тех неоднозначных мнений и жизненного опыта, которыми они обладают. Что еще хуже, они могут понимать или не понимать, что мы спрашиваем, а пока они отвечают, их может что-то отвлекать. И гораздо чаще, чем хотелось бы тем, кто проводит опросы общественного мнения, люди намеренно дают неправильный ответ. Ведь люди – существа социальные; многие стараются избегать столкновений или хотят угодить и потому отвечают так, чтобы соответствовать ожиданиям» (Левитин, 2018, с. 89). В таких случаях главная задача социолога – сделать изначально невозможное возможным: на основании своих знаний, прошлого опыта «выжать» из ситуации максимум, учесть все варианты того, почему респонденты отвечают именно так, а не иначе.

Одной из наиболее фундаментальных междисциплинарных работ, в которой анализируются и социогуманитарные, и естественнонаучные аспекты проблемы возможного, является статья М. Д. Хаузера в журнале «Nature». От эволюционной биологии до многообразия культур автор выстраивает единую картину «возможности невозможного» и пытается найти общие механизмы, в соответствии с которыми некото-

рые возможности развития не могут быть реализованы потому, что их место уже «занято» другими альтернативами (Hauser, 2009). Сравнивая фактические и возможные формы развития живых организмов, используя инструменты и теории молекулярной биологии, математики, физики, экологии, анатомии, ученый пытается понять, почему в пространстве возможностей эволюционного развития существуют пробелы и какую роль они могут играть в эволюционном процессе. Согласно эволюционной биологии, увеличение и развитие различных форм животных возникает в результате основных молекулярных операций по генерации вариаций (например, перестановка, повторение, увеличение и деление – с каждым из этих процессов связано дальнейшее изменение и ограничение в зависимости от времени и величины опыта).

Понимание соотношения возможных и невозможных альтернатив развития в биологии порождает аналогию из истории формирования естественных и искусственных языков: «Важно отметить, что эта перспектива породила идею невозможных языков: то есть лингвистических структур, которые никогда не будут рассмотрены или, если они будут рассмотрены и выражены, не могут быть изучены» (Hauser, 2009, p. 191). Исследования в области генеративной лингвистики показывают, что, как и разнообразие форм животных, чувство неограниченной вариации в лингвистических формах иллюзорно, потому что скрывает набор универсально поддерживаемых, биологически инициированных механизмов для ге-

нерации вариации, в том числе освоение и ограничение пространства возможных языков.

Затем следует переход от языка к культуре. Автор предполагает, что большая часть изменений, наблюдаемых в человеческой культуре, очень ограничена, поскольку пространство возможных культур лишь мало населено, оставляя несколько пробелов, которые составляют невозможные культурные формы: «Эта перспектива, с ее параллелями в работе над теоретической морфологией и расширением общего подхода, который мотивировал работу в области генеративной лингвистики, подразумевает, что некоторые культурные формы никогда не будут развиваться или, если они есть, быстро вымрут, потому что они не обучаемы или изучены с большим трудом. Эта точка зрения имеет интересные последствия как для изучения культуры, так и для биологии (гены, нервные цепи и когнитивные процессы), она облегчает и ограничивает приобретение и передачу культурного опыта» (Hauser, 2009, p. 194). Идея о том, что существуют культурные пробелы, вызывает те же вопросы, что и суждение о том, что такие же пробелы есть в формах животных. При этом необходимо понимать, что порождает вариации в культурных формах и почему некоторые теоретически возможные формы никогда не реализуются. Хаузер считает, что люди рождаются с умственным «набором инструментов» для создания и особенно для понимания культурных различий (в лингвистике, музыке, морали). Набор ин-

струментов состоит из программ развития, которые генерируют вариации, «сырье» для избирательного процесса, который кристаллизует конкретную форму выражения. Когда культурные формы кристаллизуются, могут появиться пробелы, потому что люди в культуре не могут представить альтернативы из-за бедности воображения.

По мнению Хаузера, подобные сравнительные методы анализа открывают перед наукой беспрецедентные возможности для понимания вопросов эволюции и когнитивных способностей. Они показывают, как теории, технологии и результаты молекулярной биологии, эволюционной биологии, нейробиологии, когнитивной психологии, лингвистики и антропологии могут быть продуктивно объединены для понимания одной из самых глубоких проблем интеллектуальной жизни – как эволюционировал уникальный генеративный мозг человека (Hauser, 2009).

Междисциплинарная направленность современной науки порождает такие новые области познания, в которых категория «возможное» является основной. К ним принадлежит прогностическая микробиология. Прогностическая микробиология основана на интеграции традиционных знаний из области микробиологии со знаниями математических, статистических, информационных систем, технологий для описания поведения микробов с целью предотвращения порчи продуктов питания, а также болезней пищевого происхождения. Благодаря интеграции разнообразных знаний из био-

логии, физики, инженерии в ней решаются задачи, которые когда-то казались невыполнимыми (разработка и внедрение сложных синтетических генных цепей, построение многокомпонентных бактериальных сообществ с конкретными, заранее определенными составами и т. п.). В этой области научного познания обсуждаются ключевые проблемы прогностической микробиологии, задачи, связанные с природной сложностью микроорганизмов, а также ценностью количественных методов для повышения предсказуемости результатов моделирования (Fakruddin, Mazumder, Mannan, 2011; Lopatkin, Collins, 2020).

В начале XX в. невозможность понимания многомерного мира человека только одним, единственным способом стала очевидной в период возникновения квантовой физики и последующего развития методологии всех наук. Возник методологический конфликт между отражением действительности и ее описаниями, причем он существовал в сознании не только рядовых, но и великих физиков: «Эйнштейн посвятил труд всей своей жизни исследованию объективного мира физических процессов, которые где-то там, вонне, в пространстве и времени, протекают независимо от нас по незыблемым законам. Математические символы теоретической физики были призваны, по его убеждению, отображать этот объективный мир и тем самым сделать возможными предсказания относительно его будущего поведения. А тут вдруг стали утверждать, что если углубиться в атомы, то та-

кого объективного мира в пространстве и времени вовсе и нет и что математические символы теоретической физики отображают лишь возможное, а не фактическое. Эйнштейн не был готов к тому, чтобы позволить – как он это ощущал – почве уйти у себя из-под ног. И в своей последующей жизни, когда квантовая теория давно уже и прочно стала составной частью физики, Эйнштейн тоже не смог изменить свою точку зрения. Он допускал квантовую теорию в качестве временного, но не принимал в качестве окончательного объяснения атомарных явлений» (Гейзенберг, 1989, с. 207).

Сегодня эйнштейновская непоколебимая уверенность в существовании объективного мира, не зависящего от познающего субъекта, преодолена, в частности, на основании многомировой интерпретации квантовой механики Х. Эверетта. Согласно этой теории, квантовый мир «может быть адекватно представлен как набор многих классических миров, параллельных миров. Эти классические миры – фактически различные „проекции“ единственного объективно существующего квантового мира. Они отличаются друг от друга некоторыми деталями, но все они – образы одного и того же квантового мира. Эти параллельные классические миры сосуществуют, и мы все (и каждый из нас) параллельно живем во всех этих мирах» (Менский, 2011, с. 26–27).

Методологию современной науки, как естественной, так и социогуманитарной, характеризуют, по меньшей мере, два основополагающих признака. Во-первых, сознание ученого

непосредственно включено в познавательные процессы и потому не может игнорироваться при интерпретациях их результатов. Во-вторых, наука всегда имеет дело с возможностями, альтернативами понимания исследуемой действительности. В частности, «интерпретацию квантовой механики, в которой принимается объективное сосуществование многих различных классических миров, назвали *интерпретацией Эверетта*, или *многомировой интерпретацией*. Не все физики верят в эту интерпретацию, но число ее сторонников быстро растет. Миры Эверетта, которые должны сосуществовать в силу природы квантовой механики (в соответствии с „квантовой концепцией реальности“), и являются теми „*параллельными мирами*“, которые рассматриваются в этой книге. Мы видим единственный мир вокруг нас, но это – только иллюзия нашего сознания. Фактически все возможные варианты (альтернативные состояния) этого мира сосуществуют как миры Эверетта. Наше сознание воспринимает их все, но отдельно друг от друга: субъективное ощущение, что воспринимается один из альтернативных миров, исключает какие бы то ни было свидетельства о существовании остальных. Но объективно они существуют» (там же, с. 28–29).

Понимание и осмысление миров, «переход от мыслимого к возможному, который совершили Л. Витгенштейн, Д. Чалмерс и др., – это только начало пути перед погружением в погугающе сложный мир возможного. Главным здесь является

глубокая внутренняя ментальная, психическая и контрфактуальная способность человека к расширению действительного мира посредством представления или воображения того, что могло бы быть. Пока мы всего лишь выявили стремительно нарастающую тенденцию к изучению *возможностно го* мышления» (Карпенко, 2016, с. 8).

Возможностное мышление сегодня представляет собой очень перспективный способ осмысления эволюции всей действительности – от квантового микромира до социального макромира. Такой способ дает возможность наиболее эффективным образом описать суперпозицию, взаимодействие сложных интерферирующих процессов во вселенной. В биологии это разные ветви возможного эволюционного развития, в квантовой физике и психологии – необычные проявления сознания, открывающие для познающего субъекта доступ к альтернативным реальностям. «В каждой из эволюционных ветвей реализуются те или иные возможности, содержащиеся в исходной суперпозиции. Каждая компонента квантовой суперпозиции представляет собой отдельную и равноправную классическую реальность. Вселенная расщепляется на ряд вселенных-ветвей, каждая из которых соответствует своему возможному исходу события. То, что мы воспринимали как коллапс, означает, что наше сознание выбрало определенный путь через эти ветви, и поэтому наблюдается один набор результатов вместо другого из огромного числа других возможностей. Другие копии нашего сознания на-

блюдают другие возможные исходы в других вселенных-ветвях» (Верхоzin, 2014, с. 215).

В этом общенаучном контексте очень важны современные дискуссии о переосмыслении содержания эмпирической реальности в квантовой физике (Карпенко, 2015; Пенроуз, 2005), биологии (Зуев, 2016) и других областях естествознания. Один из самых научно значимых результатов дискуссий заключается в том, что «все большее значение приобретает модальное, возможностное мышление, которое противопоставит анти-реализму и выводит на арену «сверхреализм», требующий реализации в актуальность всего того, что мыслится как возможное. В итоге знаменитое декартово высказывание о существовании принимает следующий вид: «Существовать – значит мыслить возможное» (*Esse ergo cogitare possibilia*)» (Карпенко, 2015, с. 36). Это означает, что модальное возможностное мышление направлено на действительность, открываемую познающим мир субъектом в виде многообразия возможностей: «Важнейшие множества физики – это множества *не предметов, а возможностей*: конфигурационное пространство системы есть множество ее возможных мгновенных состояний, пространство-время есть множество возможных событий типа „вспышки“, отмечающих точки» (Манин, 2008, с. 141–132).

Интересные и даже неожиданные проявления возможностного мышления обнаруживаются в исследованиях околосмертного опыта. Такой опыт измененных состояний со-

знания у некоторых людей возникает вследствие остановки сердца (клинической смерти), шока после потери крови при родах, черепно-мозговой травмы, инсульта, асфиксии и т. п. «Околосмертный опыт может быть определен как память о впечатлениях во время особого состояния сознания, включая такие феномены, как внетелесный опыт, приятные ощущения, видение туннеля и/или света, видение умерших родственников, обзор жизни или сознательное возвращение в тело» (Van Lommel, 2011, p. 19). обстоятельный аналитический обзор проблемы содержится в недавней статье О. В. Гордеевой (Гордеева, 2020). Околосмертный опыт включает множество необъяснимых с точки зрения современной науки феноменов: видение находящимся в состоянии клинической смерти человеком предметов, которые невозможно увидеть из точки физического расположения его тела; «встреча» с давно умершими людьми; появление внетелесного опыта – ощущение выхода за пределы своей телесной оболочки и т. п. Такие феномены побуждают ученых пересматривать и по-новому решать старые проблемы соотношения материализма и идеализма, мозга и сознания.

Оригинальную концепцию нелокального сознания предлагает П. Ван Ломмель (Van Lommel, 2011). Он полагает, что сознание не локально, а распределено в пространстве и потому не связано только с одним каким-то конкретным мозгом. Метафорой сознания являются невидимые глазу и

пронизывающие все материальные тела электромагнитные информационные поля, в роли которых выступают индивидуальные сознания, каждое из которых связано с телом и мозгом. Фактически мозг служит передатчиком, позволяющим подключаться к общему сознанию, получать от него информацию. Однако сам мозг не производит сознание и информацию. Ван Ломмель сравнивает его с телевизором, который принимает электромагнитные волны и преобразует их в изображение и звук, но не создает телепередачу. Метафорическая концепция нелокального сознания необходима для интерпретации околосмертного опыта. Во время его возникновения, когда мозг временно «перестает функционировать», индивидуальное сознание может перейти в фазовое пространство и продолжить действовать уже как общее, которое потом актуализуется в виде воспоминаний. Обобщенно говоря, ученый «предлагает концепцию нелокального (nonlocal) сознания (используя ряд идей и понятий из квантовой физики), согласно которой в общем информационном поле, или «фазовом пространстве», вечно существует бесконечное (общее) сознание, в котором берет начало и сохраняется сознание индивидуальное, содержащее наше Я. Это пространство невидимо и состоит из областей вероятности, где события существуют как возможные, а при определенных условиях возможность превращается в действительность, производя события нашей реальности» (Гордеева, 2020, с. 121). Отсюда следует, что даже в такой «экзоти-

ческой» области исследований соотношение действительно и возможного играет значимую объяснительную роль.

При анализе концепции П. Ван Ломмеля об общем и частном сознаниях возникает аналогия с давней работой из отечественной психологии понимания: в 1993 г. Г. Граник и О. В. Соболева опубликовали статью «Понимание текста: проблемы земные и космические». Они высказали гипотезу, что, понимая текст, читатель подключается к пространственной, космической мысли: Космическому Разуму, по Мантрейи, Глобальному Разуму, по Шри Ауробиндо, ноосфере, по В. И. Вернадскому, континуальному потоку образов, по В. В. Налимову. «Вместе с тем мы предполагаем, что читатель не только „берет“ из Космоса, но и возвращает переработанные мысли в Беспредельность. Рожденные художественным текстом размышления, воздействуя на личность, в то же время очищают пространство, обогащают его положительной энергией. В связи с этим по-иному высвечивается роль художественной литературы, при соприкосновении с которой происходит, по нашему предположению, как рост человеческого духа, так и влияние этого духа, этой энергии на Космос» (Граник, Соболева, 1993, с. 81). Гипотеза, конечно, интересная, но не психологическая, а философская, антропологическая, методологическая и т. п. Трудно не согласиться с послесловием редакции о том, что прямой перенос понятий и принципов общенаучного уровня методологии на конкретно-научный уровень нельзя признать корректным.

Вывод: как и многое другое в современной нейронауке, объединение идей из области квантовой физики и психологии сознания напоминает «старые песни на новый лад».

1.3. Истоки психологии возможного в психологической науке

1.3.1. Аффордансы в экологической психологии

В понятии «аффорданс» категория возможного в психологии представлена, пожалуй, в наиболее полном и развернутом виде. Это понятие было введено в психологическую науку Дж. Гибсоном. Он писал: «Возможности окружающего мира – это то, что он предоставляет животному, чем он его обеспечивает и что он ему предлагает – неважно, полезное или вредное. Нужно сказать, что в существительное «возможность» я вкладываю смысл, отличный от того, который вы можете найти в толковом словаре или в словаре математических терминов. Под ним я подразумеваю нечто, что относится одновременно и к окружающему миру, и к животному таким образом, который не передается ни одним из существующих терминов. Он подразумевает взаимодополнительность окружающего мира и животного» (Гибсон, 1988, с. 18). Принципиально важным в этом определении является его диалогический, субъект-объектный характер. Во-первых, в нем выражено представление об окружающей среде

как совокупности возможностей, которые оказываются взаимодополнительными к потребностям и возможностям живого существа; во-вторых, одна и та же среда для разных видов живых существ и для разных индивидов предстает различной. С этой точки зрения, среду обитания живых существ следует рассматривать как совокупность условий и возможностей, находящихся в отношении взаимодополнительности к субъекту восприятия и понимания. «Отсюда следует, что среда – это не вся и не любая совокупность пространственных, социальных и иных отношений и свойств, в окружении которых находится индивид. Среда – это, прежде всего, те естественные условия обитания человека как биологического вида, которые непосредственно воспринимаются им как пространство его возможностей для тех или иных действий. Можно сказать, что среда как понятие – это абстракция нашего мышления, ибо, в отличие от объектов психического отражения в традиционной психологии восприятия, среда (средовые условия) не существует сама по себе. Она существует только во взаимодополнении к перцептивным и поведенческим возможностям данного живого существа, т. е. к тем способам действия по преобразованию пространственных отношений, которыми оно обладает и которые имеет возможность совершать благодаря своей собственной природе и свойствам окружающей среды» (Панов, 2004, с. 29).

В современной психологии немало работ, посвященных проблемам аффорданса, но не всегда они отличаются новиз-

ной. Даже те из них, авторы которых претендуют на создание новых теоретических моделей, по существу, повторяют мысли Дж. Гибсона: «Аффордансы не являются ни свойствами только животного, ни свойствами окружающей среды. Они представляют собой отношения между способностями животного и особенностями ситуации» (Семеро, 2003, р. 191). Тем не менее, значимость этих публикаций для психологии возможного несомненна. Такой вывод следует хотя бы из того, что идея аффорданса получает развитие в более широком контексте соотношения мозга и культуры: «Специализация нейронов относительно элементов субъективного опыта означает, что в их активности отражается не внешний мир как таковой, а соотношение с ним индивида. Поэтому описание системных специализаций нейронов оказывается одновременно описанием субъективного мира, а изучение активности этих нейронов – изучением субъективного отражения» (Александров, Александрова, 2010а, с. 25).

За сорокалетнюю историю использования термин «аффорданс» получил широкое распространение в самых разных сферах – в дизайне, образовании, когнитивной науке. Западные ученые проводят аналогию с положением М. Маклюэна о том, что средства массовой информации являются продолжением человечества. В этом контексте оказывается, что такой объект, как чашка, является продолжением сложенных в ладони рук, потому что, подобно рукам, он удерживает воду: «Определение некоторых объектов как расши-

рений тела дает понять, что возможности могут быть изменены двумя способами: путем изменения либо функций, доступных в среде, либо расширенных возможностей пользователя. Это различие упрощает описание различных типов возможностей и может помочь дизайнерам в планировании эффективного взаимодействия с пользователями» (Overhill, 2012, p. 1). Здесь вполне уместно заметить, что более полувека назад Б. Г. Ананьев (см. развернутую цитату ниже) гораздо более глубоко и содержательно писал о том, что не только органы человеческого тела, но и технические средства усиливают возможности людей и способствуют созданию новых функциональных систем, «функциональных органов» (Ананьев, 1968, с. 26).

Взаимодействие человека со средой является главным предметом исследования в экологической психологии. «Исследование действий, направляемых аффордансами, ведет к обнаружению скрытого в системе» (Gaver, 1991, p. 82). Замечу, обнаружение скрытого, ранее невидимого – это цель и основной идеологический посыл психологии возможного. В экологической психологии значимую роль играет понятие «предикторов» формирования и развития психики человека, взаимодействующего со средой. Предиктор – прогностический параметр и одновременно средство прогнозирования. Например, в исследовании взаимосвязи экопсихологических типов взаимодействия с личностными качествами субъектов общения и совместной учебной и професси-

ональной деятельности показано, что в ситуациях общения в качестве предикторов экопсихологических типов взаимодействия в общении выступает общность личностных ценностей, а в ситуациях учебной деятельности общность личностных черт (Капцов, Панов, 2019). Разумеется, предикторы имеют большое значение в самых разных областях психологической науки, а не только в экопсихологии.

Интересное развитие идея аффордансов получила в представлениях об исследовательских объектах, например, игрушках с кнопками, скрытыми динамиками, подвижными элементами и т. п., которые предназначены для стимуляции любознательности, исследовательской активности человека. Такие объекты являются предоставляемыми другому человеку возможностями удовлетворить познавательную мотивацию при изучении неизвестных сторон новой для него системы: «Фактически такой объект можно интерпретировать как большую материализованную возможность – предоставляемую другому человеку возможность удовлетворить свою познавательную мотивацию и мотивацию вызова при изучении неизвестных возможностей новой для него системы; как возможность исследования более конкретных возможностей, связанных со скрытыми свойствами и связями «объекта-загадки». Здесь выглядит эвристичным понятие „мета-аффорданс“ (meta-affordance) – возможность более высокого порядка (ранга), предоставляющая более частные возможности» (Поддяков, 2018, с. 56).

В этом контексте «полезно понятие „дефорданс“, противоположное понятию аффорданса. Оно без явного определения введено М. Гайш в другом контексте – анализа учебной деятельности в группе. Как можно понять из текста, „дефорданс“ обозначает не возможность, а ее ограничение; упоминается наряду с „блоком“» (там же, с. 61). Например, изображение черепа с костями на запертой трансформаторной будке – это дефорданс, призванный пресечь несанкционированную исследовательскую активность по отношению к тому, что демонстративно помечено этим знаком. В познавательной деятельности возникает интересная проблема. Незаинтересованным человеком, не пытающимся проникнуть в существо возникшей задачи, ситуация может восприниматься как дефорданс. «Однако для рефлексивного участника, имеющего опыт обследования подобных объектов и/или пытающегося понять данный объект еще и как намеренно созданный вызов познавательной активности, это не дефорданс, а метааффорданс особого рода – подсказка, что за скучным фасадом может быть что-то скрыто» (там же, с. 62).

Таким образом, разносторонний анализ аффордансов может внести существенный вклад в формирование и развитие психологии возможного.

1.3.2. Предвосхищение и прогнозирование

В психологии понимания предвосхищение понимаемого всегда играло очень значимую роль: составляющей любой модели понимания должна быть антиципация как предвосхищение, предугадывание, представление о возможном результате того, что понимается. Психологи внесли существенный вклад в развитие методологии научного познания, в основании которой лежит анализ соотношения действительного и возможного, а также многомировая интерпретация действительности (Петренко, Супрун, 2013). Например, С. Д. Смирнов разрабатывает модель образа многозначного мира как системы разноуровневых гипотез, непрерывной их генерации. Он пишет: «Итак, если под образом мира иметь в виду многоуровневую систему познавательных гипотез, которые непрерывно генерируются навстречу внешнему миру, то можно сказать, что в основе этих гипотез лежит прогноз того, каким, по мнению человека, в данный момент является мир и в каком направлении он изменится в близком или более далеком будущем. Фактически мы имеем дело с прогностической моделью мира, и степень определенности или неопределенности этого прогноза прямо сказывается на адекватности образа мира и его способности ориентировать наше поведение, нашу деятельность» (Смирнов,

2016. с. 220). Иначе говоря, человек, живущий и совершающий поступки в действительном мире, постоянно соотносит свои мысли и действия с будущим, не реальным, а только возможным.

Е. А. Сергиенко подчеркивает, что при изучении модели психического большую роль играют вторичные репрезентации, которые «позволяют нам думать о прошлом, возможном будущем и даже несуществующем, но, главное, строить причинные гипотезы» (Сергиенко, Уланова, Лебедева, 2020, с. 17).

А. О. Прохоров при исследовании репрезентации психических состояний отмечает, что одним из компонентов ментального опыта субъекта являются «предвосхищающие схемы – пространственные представления, которые, будучи сформированными под влиянием прошлого опыта, отвечают за прием, сбор и организацию информации, оказавшейся на сенсорных поверхностях» (Прохоров, 2021, с. 17).

Л. И. Анцыферова, анализируя трудные жизненные ситуации, рассматривает прием «антиципирующего совладания» и описывает феномен возможного будущего. В частности, одним из способов совладания является стремление человека избегать сомнительные ситуации. Психологическим барьером на пути разрушительного проникновения трагедии во внутренний мир человека, в его ценностно-смысловую концептуальную систему является отрицание. Оно «позволяет субъекту перерабатывать трагические ситуации малы-

ми дозами, постепенно ассимилируемыми смысловой сферой личности. После ассимиляции запредельного для ума человека события меняются его сознание, отношения к миру, появляется новая оценка жизни и собственных возможностей, увеличивается пространство личного будущего в его сознании» (Анцыферова, 2006, с. 343).

Обобщая, можно сказать, что процессы антиципации, предвосхищения являются неотъемлемым свойством психики, присутствуют уже на самых первых этапах ее развития. Аргументированное доказательство этого тезиса представлено в работах Е. А. Сергиенко: «*Принцип антиципации* тесно связан с принципом непрерывности психического развития и предполагает необходимую подготовленность последующих стадий развития предыдущими. Антиципация рассматривается как имманентное свойство всех психических процессов в их развитии» (Сергиенко, 2019, с. 355; Сергиенко, 1992).

Обсуждая проблемы соотношения прогнозирования и «образа мира», Т. В. Корнилова пишет: «Ресурсным теориям сегодня могут быть противопоставлены подходы, предполагающие ведущую роль актуалгенеза познавательной деятельности личности. В рамках этих подходов разрабатываются идеи динамического контроля неопределенности и выдвигаются на первый план процессы предвосхищения и прогнозирования, которые на долгий период ушли на периферию отечественных исследований. Сейчас эти идеи возвращаются в

существенном переосмыслении, которое можно обозначить вектором „от морфологической – к динамической парадигме“» (Корнилова, 2016, с. 210).

Прогнозирование и предвосхищение как инструменты анализа возможного не всегда направлены только в будущее. В семантическое поле «возможного» входит не только будущее, то, что прогнозируется, но и ретроспективное прошлое. Н. Е. Харламенкова, опираясь на идеи Е. П. Никитина, анализирует ретросказание как общую стратегию обращения к прошлому. Ретросказание представляет собой процесс восстановления прошлого по неполным данным: «Ретроспективная активность основана на принципе обратимости и предполагает возвращение к истокам, которое совершается с определенной целью. Цель эта состоит в „пересмотре“ своего опыта, в стремлении обнаружить в нем дополнительные возможности, либо, наоборот, в желании оправдать свои неудачи ссылками на негативные переживания. Из этого следует, что ретросказание может проявляться в виде разных психологических механизмов и не обязательно характеризует активность человека только как субъекта жизненного пути. В несубъектных формах активности преобладают эмоциональные механизмы, интуитивные переживания и озарения, которые, тем не менее, могут явиться основой ретросказания, построенного на когнитивной переоценке прошлого» (Журавлев, Харламенкова, 2018, с. 284–285).

Предвосхищение и прогнозирование являются способа-

ми, инструментами достижения возможного, однако их содержания различны. Указанные различия тщательно исследованы А. В. Брушлинским. Необходимость современного психологического анализа предвосхищения и прогнозирования определяется, во-первых, включенностью понимания в мышление субъекта и, во-вторых, необходимостью анализа соотношения осознаваемых и неосознаваемых альтернатив, которые или уже рассматриваются понимающим субъектом, или потенциально возможны при интерпретации понимаемого. Предвосхищение возможно тогда, когда можно предвосхитить результат, осознать альтернативу понимаемого: будет ли гореть зажженная свеча, если ее опустить бочку, наполненную водой? А. В. Брушлинский приводит такой пример: «На основе соответствующей теории астроном производит необходимые вычисления и в результате предсказывает время и место затмения. Здесь прогноз выступает в четко фиксированном виде и может быть эмпирически проверен простым восприятием предвосхищаемого события (затмения), когда последнее произойдет» (Брушлинский, 1979, с. 103). В отличие от этого в мыслительной деятельности в качестве неизвестного прогнозируемого искомого выступают не только характеристики решаемой задачи, но и свойства психического процесса, с помощью которого осуществляется ее решение. В любой мыслительной деятельности «в качестве „желаемого“ выступает прежде всего прогнозируемое искомое (будущее решение), которое в течение длительного

периода времени остается в значительной степени неизвестным и потому не столь определенным, как в случае предвидения. Такая „неизвестность“ искомого означает, что даже в ходе его постепенного и/или скачкообразного прогнозирования оно до последней стадии мыслительного процесса не может быть найдено и зафиксировано с предельной отчетливостью» (там же, с. 106). Другими словами, неизвестность искомого означает, что пока оно не стало действительным, а является потенциальным, т. е. возможным.

Существенный вклад в отечественную психологию мышления, в частности соотношения когнитивных и эмоциональных компонентов прогнозирования при решении задач, внес О. К. Тихомиров. В теории смысловой регуляции мышления, разработанной Тихомировым и развиваемой его учениками, одним из ключевых понятий является «эмоциональное предвосхищение». Он писал: «Эмоциональное предвосхищение действия или последовательности действий является необходимым механизмом для их принятия субъектом в качестве „правильного“, и, напротив, отсутствие эмоционального предвосхищения может вести к тому, что объективно верные действия и целые последовательности действий „не узнаются“ в качестве таковых, хотя и называются в ходе рассуждения. Вербально формулируемый замысел совершаемого действия рождается на почве предвосхищающих эмоциональных оценок, отсутствие таких предвосхищений затрудняет формирование замысла. Эмоциональное

решение задачи является кульминационным пунктом сложного эмоционального развития, имеющего место в ходе решения задачи» (Тихомиров, 1984, с. 100–101). В смысловой теории мышления доказано, что эмоциональная активация выступает как предвосхищение принципа решения задачи, она связана с чувством близости решения и предшествует ему: «Состояние эмоциональной активации выступает как некоторый неспецифический сигнал „остановки“, как указание на то, „где“ должно быть найдено то, что еще не найдено, оно выступает как неконкретизированное предвосхищение принципа решения (или окончательного решения). Это эмоциональное предвосхищение принципиального решения задачи, как мы уже отмечали, переживается испытуемым как „чувство близости решения“» (там же, с. 98). Обосновано также, что предвосхищение в мыслительной деятельности имеет три разновидности: словесно оформленные предвосхищения, предвосхищения на уровне невербализованного поиска и эмоциональные предвосхищения.

Сегодня одна из учениц О. К. Тихомирова, Т. В. Корнилова, рассматривает мышление как процесс движения к возможному, тому, что пока еще не мыслилось, не приходило в голову субъекту познания. Без этого изучение мышления оказывается неполным и поверхностным. Следовательно, главная идея автора заключается в направленности на исследование сопричастности человека возможному (Корнилова, 1994). По существу, анализ не состоявшихся поворо-

тов мысли, возможных мысленных преобразований ситуации, отраженной в решаемой задаче, содержательно сходен с позицией С. Л. Рубинштейна и А. В. Брушлинского.

Согласно С. Л. Рубинштейну, в процессе познавательной деятельности субъект, взаимодействуя с объектом, мысленно поворачивает его разными сторонами и таким образом выявляет некоторые неизвестные ранее свойства последнего, получает новые знания об объекте. Иначе говоря, человек выявляет не только действительные, уже известные ему свойства, но и так мысленно преобразует объект, что в сознании возникают новые его признаки, которые раньше были только потенциальными, возможными альтернативами познаваемой реальности. А. В. Брушлинский полагал, что в ходе решения мыслительной задачи человек, в конце концов, формирует только одну предпочитаемую альтернативу (к примеру, законодательно разрешить или запретить смертную казнь).

Предпочтение одной из возможных альтернатив не означает того, что рассматривавшиеся ранее варианты решения исчезают из памяти, внутреннего мира мыслящего субъекта. Сегодня подтверждающий это эмпирический материал представлен в исследованиях альтернативных биографий. Нереализованная возможность, отвергнутый субъектом вариант саморазвития может развиваться им в виде альтернативной жизненной истории. «Традиционно считается, что жизненный выбор – это своего рода развилка, пройдя ко-

торую человек оставляет невыбранный вариант позади, в своем прошлом. Однако анализ биографических историй показывает, что неслучившаяся ситуация может развиваться человеком параллельно его основному жизнеописанию – в виде альтернативной жизненной истории. Она продолжает оставаться частью его актуального автобиографического дискурса, содержащего нереализовавшиеся или отвергнутые возможности, превращаясь в своего рода возможное Я. Альтернативная жизненная история часто создается в точке „перегиба“ и связана с переломным событием жизни, которое нарушает непрерывность и взаимосвязанность линии времени и Я-концепции. Однако, несмотря на свой альтернативный характер, эта история усиливает тематическую согласованность автобиографии, поскольку пронизана основными ценностями и жизненными принципами человека, которые по-прежнему остаются актуальными в его жизненном пространстве. Таким образом, альтернативная история темпорально дезинтегрирует жизненную историю, а тематически интегрирует ее» (Аванесян, 2019, с. 267–268).

В психике человека возможное возникает на основе вероятностного прогнозирования, т. е. способности выдвигать возможные гипотезы (разной степени достоверности), сопоставляя новые знания с уже имеющимися. Для современных психологических исследований парадигма вероятностного прогнозирования имеет большое научное значение. Психологи активно изучают феномены опережающего отражения,

генерации гипотез, теории предсказательного кодирования, категории возможного, разрабатывают вероятностные математические модели принятия решения и уверенности в нем (Скотникова, 2021).

Вероятностное прогнозирование может быть направлено на предсказание того, как будут развиваться явления и события, независимые от действий человека (прогноз погоды). Однако может быть и вероятностное прогнозирование того, что какие-то действия субъекта приведут к успеху, к достижению его целей или удовлетворению потребностей. В этом случае внешние события рассматриваются, как зависящие от действий человека, изменяемые его действиями: «Такое прогнозирование – необходимый элемент планирования собственных действий, направленных на достижение некоторого результата. Здесь прогноз можно сравнить не с попыткой предсказать, куда вероятнее всего изменчивый поток вынесет щепку, а с попыткой определить, какие действия пловца в изменчивом потоке с наибольшей вероятностью позволят ему оказаться в заданном месте в заданный момент времени» (Фейгенберг, Иванников, 1978, с. 8).

В психологии есть множество исследований поведения человека в случайных средах, и их результаты всегда говорят об одном и том же: нет однозначной зависимости между ситуацией и реакцией субъекта, о такой связи можно говорить только в вероятностном ключе: «Действия человека (или животного) в заданной ситуации обычно не могут быть

предсказаны однозначно; мы можем предвидеть только более вероятное поведение. Поведение человека и животного вероятно в том смысле, что нет однозначной зависимости между сложившейся ситуацией и реакцией субъекта в этой ситуации, на чем настаивали классики бихевиоризма, выражая это в формуле S – R (стимул – реакция)» (там же, с. 81).

Интересные данные о связи вероятностного прогнозирования с творческим мышлением получены в психологических исследованиях шизофрении. В частности, «больным и здоровым называли пары слов и предлагали им ответить, есть ли что-либо общее между понятиями, выражаемыми этими словами. Среди пар были и такие, о которых здоровые уверенно говорили, что между ними ничего общего нет. Больной же легко находил и в этих случаях нечто общее. Так, например, в паре „керосин – симфония“ больной видел общее в том, что керосин может вытекать из бидона с мелодичным звуком. Ответ больного кажется очень странным, необычным, неожиданным. Но назвать его формально неправильным нельзя» (Фейгенберг, 1986, с. 131–132). Здоровые люди обычно выбирают ассоциации, которые высоковероятны в их прошлом опыте. У больных нарушена опора на вероятностную структуру прошлого опыта, и потому различия между вероятностями у них отсутствуют. Тенденция к уравниванию вероятностей тождественна вероятностной дезорганизации, росту энтропии, дезорганизованности систе-

мы. «В заключение следует обратить внимание на то, что в процессе открытия творческие личности часто находят „маловероятное“ решение или вывод, но у них это решение носит логически обоснованный характер, в то время как у больных имеет место хаотическое смешение мало-и высоковероятного» (там же, с. 133).

Больные шизофренией в стандартных ситуациях нередко видят больше возможностей, чем здоровые, потому что для них характерно увеличение частоты использования мало-значимых «латентных», нестандартных свойств предметов. Вместе с тем они реже актуализируют стандартные, практически более значимые признаки. Например, по мнению шизофреников, – «*ботинок и карандаш* – оставляют след; чертят; имеют запах; один соприкасается с рукой, другой – с ногой; заостренные; хранятся в коробке; их „чинят“; „могут убить человека“ (физически и морально). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что предметы и явления сближаются часто самым неожиданным образом, рассматриваются в непривычных аспектах и комбинациях, в том числе и по чисто вербальной общности, когда полностью игнорируется то обстоятельство, что одно и то же слово может иметь совершенно различные смыслы» (Критская, Мелешко, 2015, с. 106). Следовательно, у людей, больных шизофренией, повышенная склонность к актуализации латентных свойств, видению предметов и явлений в необычных и непривычных аспектах. Вследствие этого при решении творческих задач они

способны выявить больше возможностей предлагаемых ситуаций. Неудивительно, что, как и одаренные личности, они нередко находят нестандартные новые решения задач.

Таким образом, исследования предвосхищения, прогнозирования, антиципации в психологии интересны и разнообразны. Однако следует заметить, что в подавляющем большинстве в них изучаются процессы, происходящие *внутри* конкретной ситуации, деятельности: например, при решении задачи возможное открывается мыслящему субъекту в виде новых, ранее скрытых от его внимания сторон объекта. Психология возможного появилась тогда, когда весь мир стал рассматриваться учеными как океан возможностей. Соответственно, основная задача психологии возможного отличается от целей исследования прогнозирования: не поиск проявлений этого феномена в конкретной деятельности, а анализ новых возможных задач, которые ранее не были известны ученым. В этом смысле напрашивается аналогия со вторым этапом исследований субъекта. На первом этапе ученые описывали, идентифицировали психологические признаки субъекта. Задача второго этапа – поиск путей и способов самотрансформации, самопреобразования субъекта. Поиск способов самоизменения субъекта, как и психология возможного, реализуется только на основе выхода за узкие границы личностных качеств человека и обращения в мир человека.

1.3.3. Возможное в альтернативной идентичности в социальных сетях

Еще одной современной областью психологических исследований, в которой нельзя обойтись без категории «возможного», являются социальная перцепция и альтернативная идентичность в социальных сетях. Занимаясь психологией Интернета, А. Е. Войскунский отмечает, что представленные в социальных сетях «виртуальные» идентичности нередко отличаются от сформировавшихся в повседневной жизни «реальных» идентичностей. По его мнению, когда пользователь социальных сетей конструирует более одной идентичности, их следует называть альтернативными. Регистрируясь в социальных сетях, разумный человек понимает, что он вступает на поле, в котором наряду с действительным практически всегда присутствует возможное: «При этом никогда нет уверенности в том, что лично не знакомый (в непосредственном общении) пользователь есть тот, за кого себя выдает: презентация может оказаться намеренно ошибочной или ернической, фотоматериалы могут вообще не относиться к автору презентации, биографические данные могут не совпадать с реальной биографией пользователя либо совпадать лишь частично» (Войскунский, 2014, с. 98). Разнообразные трансформации собственной идентичности, изменение, сокрытие, отрицание сведений о себе, конструирование

сетевой идентичности, отличной от реальной (выбор другого имени, пола, биографии, профессии, представления чужих фотографий) могут отражать попытки субъекта «примерить» на себя новую, альтернативную, возможную самопрезентацию. Вместе с тем не следует забывать, что «презентация не существующих в реальности (фальшивых) персон, по сути, является ложью, однако пользователи социальных сетей склонны считать такую ложь позволительной» (Войскунский, Евдокименко, Федунина, 2013, с. 67). (Замечу, что подобное отношение ко лжи типично для «общества переживания» в эпоху постправды). Разнообразные варианты расширения действительного не устраивающего пользователя по каким-то причинам, за счет желаемого, «примериваемого» на себя возможного вполне могут не иметь негативной моральной модальности, а отражать стремление человека к личностному росту. Все это свидетельствует о том, что «одним из наиболее привлекательных аспектов бытия личности в виртуальной реальности остается возможность создания личностью желательного впечатления о себе, дозированного самораскрытия и конструирования образа по своему выбору (А. Г. Асмолов, Г. А. Асмолов, Ю. М. Кузнецова и др.), способность манипулировать создаваемой идентичностью» (Рябикина, Богомолова, 2013, с. 81).

Как показывают психологические и социологические исследования, на выбор подлинной или обманной самопрезентации влияет пол: «Для мужчин главным фактором привле-

кательности их аккаунтов и, соответственно, критерием вовлечения в обманчивую самопрезентацию является демонстрация дохода и высокого социального положения, для женщин – привлекательная внешность» (Щекотуров, 2017, с. 331). Выбор подлинной или альтернативной виртуальной самопрезентации у подростков зависит от нескольких социальных факторов: отношения родителей к использованию социальных сетей (подростки, родители которых проявляют интерес к их виртуальной жизни, более склонны создавать подлинную самопрезентацию); отношения к виртуальным незнакомцам (подростки, поддерживающие активные связи с виртуальными незнакомцами, более склонны иметь альтернативные самопрезентации); настройки приватности в соцсети (подросток с высокими настройками приватности, при которых его профиль во многом закрыт от сторонних пользователей, более склонен создавать подлинную виртуальную самопрезентацию); количества времени, проведенного в соцсети (подростки с обманной самопрезентацией проводят большую часть суток в соцсети, подростки с подлинной виртуальной самопрезентацией – несколько часов в день); способа конструирования виртуальной самопрезентации (потребность в публичной демонстрации выше у тех подростков, которые создают фальшивые самопрезентации); способности к саморефлексии по поводу влияния соцсети на социализацию в реальной жизни (в отличие от подростков с подлинной самопрезентацией субъекты с альтернатив-

ными самопрезентациями более склонны давать оценочную характеристику, но менее способны аргументированно ответить, почему и как конкретно времяпрепровождение в соцсети влияет на реальную жизнь) (там же, с. 338).

Склонность субъекта к презентации в социальных сетях своего подлинного или фальшивого Я связана с разными установками и личностными чертами.

Представители реалистичного демонстративного Я характеризуются экстраверсией, доброжелательностью, открытостью новому опыту. Реалистичное Я положительно связано со склонностью к публичной самопрезентации, демонстрацией совершенства и отрицательно – с направленностью на других и вербальным непрявлением несовершенства. «Стремление к представлению реалистичного демонстративного образа себя в социальной сети будет характерно для людей, имеющих более высокий уровень экстраверсии, доброжелательности, сознательности и открытости, а также имеющих более высокий уровень нарциссизма» (Корниенко, Руднова, Горбушина, 2021, с. 49).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.